

Доказано, что когда свет имеет отражение под определённым углом, он создаёт ореол. Чем чище и ярче объект, от которого свет отражается, тем отчётливее световой след. Точно так же и с нашей жизнью. Чем честнее и благодарнее ты её прожил, чем богаче наделил её событиями, чем искреннее и преданнее умел дружить и любить, тем ярче свет оставил после себя. Тем легче идти за тобой другим. Оставить свой след в истории

удалось многим, оставить свой свет, увы, получилось лишь у единиц.

В нашей жизни даже воспомина-ния — и те приходят *post scriptum*. Только уже произошедшее событие заставляет нас начать анализировать его предысторию, сопоставлять факты, просто придумывать что-либо, относившееся, или, как нам кажется, относящееся к этому событию. Особенно остро это касается ухода близкого человека. Помните, как в «Приключениях Тома Сойера»

Марка Твена мальчишки у школы обсуждают, кто последним из них видел троих утопленников, с кем каждый из них разговаривал в последний раз, кто кого и сколько раз поколотил, угадывая в этих повседневных в иной ситуации событиях мистику и предощущение грядущей кончины?!

Такие мысли сопровождали и меня, когда я шёл ранним морозным мартовским утром к укрывшемуся среди деревьев псковского «Детского парка» храму Святой Анастасии Узорешительницы, чтобы в последний раз увидеть Валентина Яковлевича Курбатова.

Ровно год назад, в марте, он должен был приехать в Витебск, чтобы стать гостем в моём телепроекте, всё уже обговорили. Даже выехать Валентин Яковлевич успел из Пскова, а вот доехать до Витебска, псковского «младшего брата», объединённого с ним именем княгини Ольги, так и не успел. Тогда, год назад, в дороге настигло известие о закрытии границ между Россией и Беларусью (помешал проклятый COVID), а теперь уж и нет Курбатова...

Вернее, не так: конечно, он есть. Писатель — не умирает. Литературное призвание, требующее от творца полной духовной отдачи, его душевности, внимательности, сердечности, любопытства, оставленных на страницах книг и в богатстве мысли, априори даёт право на бессмертие. Особенно, если талантливо и искренне умел жить им.

Валентин Яковлевич Курбатов остался для нас в своих книгах, пись-

мах, очерках, дневниках. Остался в слове и неповторимой интонации, с которой он нёс и дарил нам это слово. Остался навсегда и для каждого таким, как и был, продолжающим дарить доброту и надежду, словно горящее окно далёкого дома, согревающее своим существованием путника, бредущего сквозь февральскую вьюгу.

Тоже март. 2016 год. Бог знает, что привело меня в Псков. В автобусе, на котором езжу не часто (куда приятнее гулять по городу, наблюдая, размышляя, открывая для себя новые закоулки и дворики), случайно встречаю Валентина Яковлевича. Он едет в областную библиотеку — рассказывать о Валентине Распутине, чью годовщину смерти отмечали в те дни. На Курбатове неизменные чёрное пальто и берет, в руках — папка с письмами Распутина. Поздоровались, попытались даже обняться, да попробуй на наших псковских-то дорогах, когда автобус весь так и подпрыгивает.

Невероятно взволнованный от переполняющих чувств и воспоминаний, Курбатов рассказывает о предстоящей встрече, что будет говорить, какими словами вспомнит друга. Тут же показывает письма, написанные бисерным, чуть различимым почерком Валентина Григорьевича. Говорит о том, как не любил Распутин писать письма, поскольку нужно было почерк увеличивать, иначе корреспондент вообще ничего не прочтёт, а для писателя это было хлопотно, мысль терялась, пока следил, чтобы буквы стали чи-

таемыми. Как мучились наборщики в типографии, когда Распутин приносил туда рукописи, сопровождаемые извечными правками, да ещё и написанные таким образом, что кажется: просто жирную черту провели.

Рассказывает, как сидели на берегу Ангары, и Распутин на спор читал надписи вывесок на противоположном берегу, а его, Валентина Яковлевича, как самого молодого и спортивного, отправляли потом эти надписи сличать. И ведь не ошибся Валентин Григорьевич ни разу. Потом совсем грустно, о последнем разговоре, когда Распутин, уже в больнице, уже не имеющий возможности отвечать, слушал в поднесённую телефонную трубку, как Валентин Яковлевич в последний раз признавался ему в дружбе и любви, благодаря за них. Так мы и доехали. Так и разошлись — каждый по своим делам.

Несколько позже, читая только что изданные дневники Валентина Курбатова, найду короткую запись о смерти Евтушенко. Сразу вспомнилось, как Валентин Яковлевич рассказывал о том мартовском дне, когда узнал о госпитализации поэта. Как шёл на выставку Юрия Селивёрстова, а самого, под кружащимся весенним снегом, не оставляла строка, поражая своей наивностью и правдивостью: «Идут белые снѣги, как по нитке скользя, жить и жить бы на свете — да, наверно, нельзя». И жив ещё был Евтушенко, когда строка слышалась, да уж больно отчётливо проступало в ней, под этим беспоконным мартовским снегом, страш-

ное для всех, ещё остающихся здесь: «нельзя».

Вместе с этим горестным дополнением думалось о том, как мало я сам уделял внимание литературному таланту Курбатова. Как часто в общении задавал вопросы о друзьях-писателях, встречах с известными людьми и как мало расспрашивал о нём самом. Обидно ли такое отношение творческому человеку? Конечно, обидно. Как будто своей биографии и не имеешь, а существуешь только в «приложение» к собратьям по творчеству. Только Валентин Яковлевич никаким «приложением» не был. Несмотря на свою неподдельную литературную скромность (всегда искренне удивлялся, когда его представляли как писателя), это был писатель очень большого дара. Милостью Божией.

С большим интересом читаешь писателей фантастов, мастеров художественной прозы, приключенческую литературу, когда автор создаёт свои собственные миры, моделируя их, и события, характеры своих героев. Герои Валентина Курбатова — живые люди, находившиеся или находящиеся среди нас, в нашем мире. Когда читаешь повествования Валентина Яковлевича, поражает его умение понимать тех, о ком он пишет, с любовью и деликатностью входить в их внутренний мир. И ловишь себя на мысли, что невольно, вместе с писателем, страдаешь их ошибкам и восхищаешься их достижениями. Возвышаешься, и вот уже они воспринимают тебя как равного собеседника, оживлённые на мгно-

вание всемогущим и всеобъемлющим словом.

А ещё всегда поражало умение Валентина Курбатова дружить по-настоящему, отдавая себя всего без остатка. Попытке понять друга, помочь ему, радоваться его успехам, восхищаться его творениями, делать то, что именно сейчас для него жизненно необходимо. И не важно, нужно ли для этого проделать путь в сотню километров из хмурого Пскова до родного Михайловского, лететь через большую часть страны в Красноярск или Иркутск. Для дружбы нет расстояний.

Нередко история идёт в разрез с русской поговоркой: где человек родился — там и пригодился. Валентин Яковлевич, не будучи псковичом по рождению, более полувека прожив в Пскове, стал голосом города, его гордостью. Да что Пскова? Всей псковской земли. Во многом благодаря заботам Валентина Яковлевича, город, обладающий уникальной тысячелетней историей, сохранил и возродил своё лицо. Вместе с Юрием Спегальским, Всеволодом Смирновым, Саввой Ямщиковым (вот ведь штука, большинство из них тоже не псковичи) Валентин Курбатов боролся за сохранение и восстановление храмов, культурно-исторических памятников псковского духовного наследия, возвращение их исконным правопреемникам — псковичам. Видимо,

чтобы быть настоящим писателем и человеком, физически необходимо ценить и любить ту землю, которую подарили тебе Господь и судьба.

С уходом близкого человека начинаешь судорожно, в порыве отчаяния, ловить его тень, искать следы им оставленные. Ушёл Валентин Яковлевич Курбатов. Ушёл, оставив для каждого из нас свой свет в книгах, в своих делах, в своей доброте и умении дружить, в своей любви к Богу и близким, в душе каждого, для кого, в независимости от степени знакомства, он был близким человеком.

Псковское морозное мартовское утро. Город ещё не проснулся до конца, ещё не принял весеннего пробуждения. Из всего живого только вороны оглашают из ветвей деревьев наступление нового дня своим криком: «аллах, аллах», который разносился точно так же над вороньим погостом много лет назад, слившись тогда с раздумьями писателя о жизни и смерти, оставшись его воспоминанием. И коль скоро время идёт, а память продолжает жить — писатель не умирает. Не умирает душа. И есть она эта дорога, ведущая к Жизни Вечной. Только пройти её нужно правильно, оставить свой свет, на который за тобой пойдут остальные, чтобы потом уже всем вместе обняться.

Спасибо Вам, Валентин Яковлевич! Светлая память!